

ГЛАВА I

Лицо сделалось вздувшимся, красным и некрасивым. Ладони, сдавившие виски, тянули веко, делая ее похожей на некрасивую, зареванную азиатку. Слезы, размером с фасолину, закапали ее письменный стол, вернув ему на время исчезнувшую с годами полировку. Прямо там образовалось целое озеро сейчас. Озеро ее слез...

Надо было немедленно успокоиться, взять себя в руки и перестать реветь. И она пыталась, но стоило подумать, почему люди такие дураки, как озеро на ее письменном столе немедленно пополнялось новой порцией влаги.

Почему люди такие дураки?! Почему они не умеют ценить то, что имеют?! Зачем стремятся к чему-то призрачному?

К людям-дуракам Даша относилась прежде всего своего непутового брата Леху. Именно он явился причиной ее полуторачасовых рыданий. Точнее, его неожиданное решение уйти из семьи. Правда, в момент скандала Лехи и его супруги Варвары, свидетелем которого Даша оказалась, она не уловила конкретики. То есть Леха ни разу не сказал об этом прямо. Орал что-то про измученную душу, про одиночество, про боль, которая не проходит, и... про не разогретый вовремя обед, невыглаженные ру-

башки и невыстиранные носки. Но вот про свой уход от Вари и сыновей...

Нет, этого точно не сказал. Об этом очень громко, точнее, истерично заявляла без конца Варвара. И призывала его рассказать сестре всю правду. А Леха...

Леха изумленно таращил глаза, мотал головой, то и дело крутил правым пальцем у правого виска и все время твердил одно и то же:

— Ты че, Варька, дура, что ли?! Ты дура, да?!

Варвара отвечала неизменно одно и то же:

— Я не дура!!! Это ты козел!..

И потом все сначала и в той же последовательности. Прерывались супруги лишь на перекур. Варька хватала свою пачку сигарет и неслась на балкон. Леха хватал свою и топал на лестничную клетку. Он всегда там курил. У него там даже собственная пепельница имелась: жестяная банка из-под чая с высверленными дырочками по диаметру горловины.

Когда перекур заканчивался, супруги снова сходились в гневном поединке. Они скандалили с таким упоением, с такой неиссякаемой энергией, что порой Даше казалось, что они получают от этого удивительное удовольствие. Но потом вдруг Варвара расплакалась вполне естественно и вполне естественно упала в обморок.

Хвала небесам, дети были в этот день у ее родителей, иначе к Вариным слезам прибавились бы еще и вопли мальчишек. Они бы непременно напугались расprostертого на пятнистом ковре гостинной тела матери. Лешка и тот напугался. Даша тут же подлетела к Варе, отослав брата за водой и лекарствами на кухню. Склонилась над ней, а та вдруг открыла глаза и подмигнула, прошептав:

— Молчи, Дашка, пускай попрыгает, козел!

Козел перепугался конечно же. И напрыгался вволю, и чувство вины его едва не задушило. Ну а уж когда Варвара «пришла в себя» и принялась слабым умирающим голосом составлять устное завещание, умоляя не оставлять после ее смерти мальчишек, Леха совершенно рассопливился и принялся покрывать поцелуями тело жены с головы до пяток. А этими пятками, между прочим, Варька шлепала по пыльному полу лоджии, когда выскакивала на перекур.

И это умные люди?!

Даша, воспользовавшись моментом, тихонько просочилась в прихожую. Сняла с вешалки свою куртку, сунула ее под мышку, натянула сапоги и вышла на лестничную клетку. Дверь за собой закрывала, боясь дышать. Даша прислушалась, приложив ухо к двери, — тишина. Никто не поспешил за ней следом — значит, мировое соглашение сейчас заключается прямо на том же пятнистом ковре в гостиной, где теряла сознание притворщица Варвара.

Даша ее не осуждала — нет! Как раз напротив, считала, что Лехина жена — молодец. В любви и войне, как известно, все средства хороши. У Варьки вот были свои. Но...

Но все равно до боли в сердце было жалко Леху. Так жалко, что, вернувшись в свою квартиру, которая осталась после смерти родителей и которую Леха даровал ей, переехав на жилплощадь супруги, Даша разрыдалась.

Начала рыдать еще у порога, стоило двери за ней закрыться. Стянула с себя сапоги. Закинула куда-то в угол куртку, туда же полетела и сумочка.

Прошаркала в свою детскую спальню, уселась за стол и... просидела там, рыдая, целых полтора часа.

Леха позвонил ближе к вечеру.

Даша как раз немного успокоилась, приняла душ и, облачившись в толстенный, как валенок, халат, сидела на кухне и ужинала набившей оскомину яичницей.

— Привет, сестрица, — шепнул виновато в трубку брат и засопел тут же, засопел. — Ты уж прости нас, дураков, лады? Разошлись, как самовары тульские, а ты небось ревела потом час.

— Полтора, — уточнила Даша, снова почувствовав отвратительное покалывание в глазах.

— Что — полтора?

— Полтора часа ревела.

— А-а-а... — протянул Леха.

И Даша тут же представила, как тот запрокидывает почти налысо стриженную голову, и виновато крутит ею из стороны в сторону, и зажмуривается, и жалеет ее, жалеет — свою маленькую, осиротевшую не ко времени сестренку.

— Леш, ты это... — Даша снова заплакала, не удержалась, она ведь тоже жалела его, всегда жалела, а любила еще больше. — Ты только от Варьки не уходи, идет?

— Да ты че, Дашунь? Сдурела, да? Да разве я пацанов кому отдам своих?! Ага, щ-щас, размечтались!!! Придет какой-нибудь пентюх чужой и станет им пальцем тыкать и указывать, да?! Ни хрена так не получится, сестрица!

— А чего же тогда Варька говорила? — Крупная слеза шлепнулась в самый центр яичного желтка, бриллиантово блеснув в свете кухонного светильника.

— Варька, она любит всякий вздор молоть, чего

ей! — хохотнул Леха, но совсем не весело, а с печалью какой-то маетной. — Ты не слушай ее, Дашунь, не слушай. Ты вот лучше расскажи старшему брату, как провела минувшие выходные? Ездил к Татьяне на дачу?

— Ездил, — вздохнула Даша, ткнув вилкой в собственную слезу, застывшую на оранжевом яичном кружке.

— Ну! И как там? — воодушевился моментально Леха.

— Как обычно бывает на таких вечеринках. Сначала носились с мангалом по участку, не зная, куда его лучше пристроить. Пока носились, пару раз приложились к стаканам. Пока устанавливали — еще по разу. Пока костер, пока угли, пока мясо жарилось... — Даша еле успела подавить еще один тяжелый вздох и, чтобы не расстраивать брата, закончила с фальшивой радостью: — Короче, мясо все мне почти досталось. Есть было уже некому.

— Почему? — По голосу стало ясно, что Леха насупился.

— Все обожрались, как свиньи, братец! Все обожрались к тому моменту, как мясо было готово. Так-то...

— Нечего было тебе туда ездить, — моментально изменил он свое мнение, тут же представив свою единственную сестру в обществе пьяных идиотов. — Лучше бы... Лучше бы... Лучше бы ты в библиотеку ходила, и то польза.

— Ага, или в планетарий. Или на лекцию о вреде табакокурения или алкоголизма, — закончила она за него противным голосом.

Стремление Лехи поскорее устроить свою сест-

ру, вернее, пристроить, иногда доводило Дашу до бешенства.

— Мне всего двадцать два года! Я не хочу так рано замуж!!! — пыталась она увещевать брата.

И так ведь Леха все подстраивал всегда нелепо. То он с неженатым приятелем якобы мимо ехал, и машина заглохла, пока ее ремонтировали или они ждали службу эвакуации — здесь были разные варианты, — замерзли, зашли погреться и попить чаю.

Потом еще был вариант с телефоном. Товарищу Лехи непременно нужно было кому-то позвонить, а все таксофоны, как на грех, вымерли на ближайшем километре.

Однажды он привел к ней целую бригаду — вроде бы для того, чтобы нанять их для ремонта ее квартиры. Ремонт давно назрел, средства Леха выделял и все такое... Но смотрины прошли неудачно, ни одному из четверых Даша не понравилась — больно сурова, равно как и они ей — сплошная разнужданность. Ремонт пришлось отложить.

Ремонт отложили, а вот попытки выдать ее замуж — нет. Взять хотя бы день рождения Лешкиной начальницы — Татьяны. Как Даша не хотела туда ехать, как не хотела! Нет, настоял, и что вышло?

Да ничего не вышло! Мало того что вся компания, будто наперегонки, напилась в рекордно короткое время, так еще один из умников полез к ней с нежностями. Пришлось дать ему по лицу и уехать оттуда на такси.

— Дашунь, малыш, а как там сосед твой поживает? — вкрадчиво так, по-хитрому спросил вдруг Леха.

— Мне-то что, как он поживает? — разозлилась

моментажно она, поняв, куда тот клонит. — Я к нему в гости не хожу. Он тоже.

— Вот это плохо, — опечалился Леха. — Парень такой замечательный. И скажу тебе по секрету, ты ему очень нравишься, Дашка.

— Да ну?! — Вилка с таким остервенением терзала теперь яичницу, чиркая по тарелке, что от этого противного скрежетания у нее заломило зубы. — Это с какой же такой поры я ему принялась нравиться, Леша?! Уж не с той ли самой, когда ты начал ему меня сватать?! Ты прекрати, понял?! Прекрати, или я...

Она угрожала ему неоднократно. И однажды почти выполнила свою угрозу уехать в Москву — в поисках лучшей жизни, лучшего заработка и лучшего претендента на ее распрекрасную руку. И даже собрала вещи и выкупила заказанный билет на самолет, но потом все же осталась. А как было уехать, если Леха примчался в аэропорт с бледным лицом, трясущимися руками и нервно кривившимся ртом и начал говорить такое!

Она не имела права оставлять его совершенно одного!!! Он не может и не станет жить без нее!!! Она все, что осталось у него истинно родного в этой жизни!!! И если она — мерзавка — посмеет уехать от него, то он возьмет и... утопится.

Склонность к суициду в их крови плескалась через край. Все мужики по отцовской линии кончали жизнь самоубийством. Не попади их отец с матерью в дикую автокатастрофу, кто знает, в какой петле закончил бы он свою жизнь.

Даша осталась, но с тех пор время от времени нет-нет да и приструнит брата шантажом. Он успокаивался на время, но потом начиналось снова.

Сейчас Леха успокаиваться не пожелал, а настырно переспросил:

— Что ты? Ну что ты?! Уедешь? А кому ты где нужна без жилья, денег, прописки? Ты дуришь прекращай, сестрица! Брат тебе дело говорит, а ты слушай. Володька пускай и не мачо, но пацан реальный, понятно?

— Нет! — выкрикнула Даша с чувством и тут же, чтобы окончательно не разругаться с Лехой, забила себе рот яичницей, успев лишь пробубнить: — Мне непонятно, что такое реальный пацан!

— А я тебе сейчас объясню! Я объясню, а ты послушай!

И Леха вдохновенно принялся рассказывать ей, как здорово она может зажить с Володькой Королевым. Какой он классный, работающий, аккуратный, порядочный. В каком порядке у него на кухне все баночки со специями. Как сияют его ложки и половники. А в унитазе можно запросто грязные руки ополоснуть, настолько тот белоснежен. И в подвал за картошкой его посылать не придется, он сам привык туда бегать, без лишнего принуждения. И пол вымоет, и постирает...

— А в избу горящую войдет? — перебила сладкий речитатив брата Даша.

— Что? — Тот, конечно же, моментально понял, что вопрос содержит изрядную долю яда. — В какую избу, если у него трехкомнатная квартира? Ты чего мелешь?

— Я говорю, в избу горящую войдет твой герой-любownik, если в этой избе я гореть стану, Леш?! Он войдет или прежде баночки расставит, унитаз вымоет, отряхнет штаны и проверит наличие в кармане страхового медицинского полиса?

Володьку Королева Даша терпеть не могла. С самого раннего детства, с того самого момента, когда он выговорил ей менторским тоном — хотя разница в возрасте составляла всего лишь пару лет, — что приличной девочке не пристало ковырять в носу принародно.

Приличной девочке на ту пору было семь лет, в носу у нее свербело от густого столба пыли, поднятого уличной машиной со щеткой. Да и народу никакого поблизости не было. Один лишь Королев-умник. Даша тогда, помнится, показала ему язык и убежала. Потом сильно переживала и все время ловила себя на разных нехороших поступках, недостойных приличной девочки. То колготки в подъезде остановится подтянуть. То выплюнет жвачку и промахнется мимо урны. То повидло из пирожка уронит прямо на кофточку и тут же начнет ловить его пальцами и совать обратно в рот, а пальцы при этом облизывать. Понимала, что нехорошо, но поделать ничего с собой не могла. И чувствовала себя при этом очень, очень нехорошей. А еще более нехорошим ей казался правильный Королев.

— Леш, можно я как-нибудь сама, а? — примирительно протянула Даша, когда Леха затих в трубке и засопел, засопел. — Извини, но мне же с ним спать придется, если замуж. Так ведь?

— Ну... Наверное... — не очень уверенно промямлил Леха. — А че?

— А то! Не могу я с ним в постель лечь! Хоть убей, не могу!

— А с кем можешь?! — Леха мгновенно принял стойку. — У тебя что, кто-нибудь уже есть?! И я об этом ничего не знаю?! Дашка, ты смотри у меня...

И пошло-поехало! Теперь ей пришлось выслу-

шать целую лекцию о вреде беспорядочных половых связей. Вспомнились венерические болезни, СПИД, разбитые сердца, поруганная честь, исковерканные жизни и все прочее в том же духе.

Даша брата не перебивала, пусть оторвется по полной. У него сегодня был тяжелый день. Он за нее переживает, оттого с таким упоением и воспитывает. И это все же лучше слушать, чем про Королева.

— Ладно, — выдохся минут через десять Леха. — Ты, в конце концов, уже взрослая девочка, сама понимаешь все. И если к этому моменту не наделала глупостей, надеюсь, что так будет и дальше. Ага, Дашунь?

— Ага, — произнесла она и тут же густо покраснела.

Глупость великую она на прошлой неделе совершила. Да какую великую глупость!!! Узнал бы Леха, точно посадил бы ее под домашний арест и ни за что уже, ни за какие коврижки не позволил бы ей жить одной, пользоваться старой «восьмеркой» и жить месяцами на родительской даче, которую он тоже подарил ей, отказавшись от своей доли в наследстве.

То, что Даша скрыла от Лехи, было ее великой тайной, ее великой погибелью, потому что она... потому что она, кажется, влюбилась в того чудака, которого прятала на родительской даче. Прятали втайне ото всех уже почти неделю.

От кого и зачем он прятался, Даша не знала. Она просто подобрала его буквально в сточной канаве, привезла в заросшую глухой крапивой деревеньку, поселила в полуразвалившемся срубе, оставила ему продуктов на неделю и с тех пор каждый час... Нет, каждую минуту думала только о нем.

Когда она его встретила, он был прекрасен и от-

вратителен одновременно. Он отталкивал и притягивал как магнит. Он пугал и завораживал. И она сделала все именно так, как шептала ей совесть и как просил ее он — Муратов Константин Станиславович. Так он ей представился, хотя запросто мог и соврать, документов она не видела. Он не поспешил показать, она постеснялась спросить. Выслушала странную печальную историю про его нелепую жизнь, нелепую случайность, оставившую его без угла, и поволокла в деревню. А вот про документы спросить так и не решилась.

А как было спрашивать? Как?! Она же сама навязалась ему со знакомством! Сама пристала к бедному парню, сидящему слева от нее на скамейке. Или справа?.. Черт, с какого же боку он оказался от нее, когда она присела на ту самую скамью возле фонтана в центре города?..

ГЛАВА 2

Таксист недовольно покосился на сотню, измятую в ее потной ладони. С печальным вздохом констатировал полное отсутствие чаевых. Дождался, пока пассажирка выйдет из машины, и резко стартанул с места, обрызгав ей джинсы из грязной лужи почти до колен.

— Сволочь, — с обидой шепнула ему вслед Даша.

Настроение было паршивым и без того. Она возвращалась с празднования того самого дня рождения начальницы своего брата Лехи, где все успели напиться задолго до застолья. Она оттуда удрала. Никто, к слову, и не заметил, хотя было еще достаточно светло, осень-то только-только начиналась.